

Руководитель проекта «Тефсир»
доктор наук Чеслав Лапич
профессор Университета Николая Коперника
в Торунь

РЕЦЕНЗИЯ

на

„Projekt filologiczno-historycznego opracowania oraz krytycznego wydania tzw. tefsiru Tatarów Wielkiego Księstwa (pierwszego przekładu Koranu na język słowiański)”

Рукописи мусульман бывшего Великого княжества Литовского, содержащие тексты на польском и белорусском языке, очень ценны для историков, культурологов, специалистов по религиоведению, исследователей белорусского и польского языков, специалистов по белорусской и польской диалектологии. Это обусловлено тем, что, во-первых, эти тексты возникали на пересечении культур и вероисповеданий в исторический период, который был очень важным для развития наших стран. Во-вторых, памятников на белорусском и польском языках, которые бы отражали реальную разговорную речь XVI-XIX вв., а таковыми являются рукописи мусульман, не искаженные влиянием канонизированных письменных славянских текстов, сохранилось немного. Однако именно для славистов эти тексты недоступны. Преградой является, прежде всего, арабское письмо, а, кроме того, наличие в славянских текстах арабо-тюркского субстрата, поскольку мусульмане ВКЛ, утратив тюркский разговорный язык и перейдя на язык местного населения, сохранили определенное количество слов как тюркского, так и арабского происхождения, связанных, главным образом, с реалиями ислама.

Поэтому проект, основной задачей которого является транслитерация арабографического текста, имеющая целью его введение в научный славистический обиход, может восприниматься только положительно.

Как представляется, с основными задачами, которые участники проекта поставили перед собой, они успешно справились. Насколько я могу судить по предоставленным мне материалам, а именно, транслитерации рукописного

тефсира из Олиты (1723 г.), эта работа выполнена достаточно последовательно (по крайней мере, в отношении принципов, которые поставили перед собой ее авторы), аккуратно, избранные знаки транскрипции последовательно соответствуют графемам оригинального текста. Это огромный труд, который, безусловно, заслуживает похвалы. Для его реализации разработаны оригинальные принципы транслитерации арабграфических текстов мусульман Великого княжества Литовского, которые, по крайней мере, один раз изменились в процессе работы над рукописями. Следует сказать, что записанный на основе новых принципов транслитерации текст стал более удобочитаемым для исследователей-славистов, не знакомых с основами арабистики.

Однако недостатки, как это часто бывает, являются продолжением достоинств. Основным замечанием, которое я могу предъявить к предложенной мне для анализа транслитерации, это замечание о произвольной замене *o* / *u*. Понятно, что подобная замена была сделана для удобства восприятия текста, и следует согласиться, что подобный текст действительно становится удобочитаемым. Однако в случае названного выше памятника XVIII в. некоторые субъективные решения автора транслитерации относительно выбора знака *o* или *u* могут быть оспорены, причем это касается не только явных белорусизмов. Например, *se mūdli* (*się modli*) (с. 127) – почему оставлено *ū*, *w lōzax* (*w ludziach*) (с. 140) – почему произошла замена на *ō*? В именах собственных: *ō jōniā* – в оригинале *يونس* предполагает вариант *jūnise* (здесь также следовало бы более внимательно прочитать финальную часть слова). В местоименной форме *kūždix* (с. 130, см. также другие случаи употребления этого местоимения) оставлено *ū*, хотя „Słownik polszczyzny szesnastowiecznej” (т. 10, с. 211) дает три формы *každy* / *koždy* / *kuždy*, а „Elektroniczny słownik języka polskiego XVII-XVIII ww.” приводит только формы *každy* / *koždy* (http://sxvii.pl/index.php?strona=haslo&id_hasla=10102&forma=KAŻDY#10334). Почему из возможных выбрана только этот фонетический вариант?

Если же говорить о применении данной транслитерации к иным текстам, более ранним, создаваемым на старобелорусском языке, или более поздним, подверженным сильному влиянию белорусских диалектов, а подчас и русского языка (что, например, наблюдается в рукописи ЦНБ АН Беларуси П19-20/Нр13 (Р404)), то подобные проблемы будут только усиливаться. Это, в частности, выбор лексико-фонетического варианта (ср. *Bóg* – *Vog*), выбор

окончания род. пад. мн. ч. м. р. (*ów / oў / ов*), вин. пад. ед. ч. ж. р. (деназализованное *а (/o/)* / *у (/u/)*) и многое другое.

Кроме того, в транслитерации хотелось бы видеть определенную последовательность. Почему преобразования не затронули другие фрагменты вокалической системы? Ведь фонемы /i/ и /y/ также обозначаются одним знаком. Понятно, что в данном случае пришлось бы решать вопрос палатализации, однако последовательность была бы соблюдена.

Думаю, что высказанные замечания следует считать, скорее, не замечаниями, а предложениями, которые могли бы быть учтены в дальнейшей работе. В целом транслитерация производит впечатление добросовестно сделанной работы на должном научном уровне и может быть оценена положительно.

Доктор филологических наук
профессор Алла Кожина
кафедра теоретического и славянского языкознания
филологический факультет
Белорусский государственный университет
ул. Карла Маркса 31/52
220030 Минск
Беларусь

20 января 2016 г.

